

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)
У63

Серия «Великие романы»

David Foster Wallace
BRIEF INTERVIEWS WITH HIDEOUS MEN

Перевод с английского: *Сергей Карпов*
В оформлении использована иллюстрация
Михаила Емельянова

Дизайн обложки: *Юлии Межовой*

Настоящим автор благодарит за щедрую
и непредвзятую поддержку
фонд Ланнана, фонд Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров,
The Paris Review, персонал и менеджеров
круглосуточного семейного ресторана Denpu's
в городе Блумингтон, штат Иллинойс

Все события и персонажи этой книги, кроме тех,
что совершенно точно находятся в общественном достоянии,
вымышлены, и любое совпадение с реальными людьми,
живыми или мертвыми, полностью случайно.

Благодарность также выражена различным изданиям,
в которых отрывки из этой книги впервые появились
в самых разнообразных формах: Between C&G, Conjunctions,
Esquire, Fiction International, Grand Street, Harper's, «Лучшие
американские рассказы 1992» от Houghton Mifflin,
Mid-American Review, New York Times Magazine, Open City,
The Paris Review, Ploughshares, Private Arts, Santa Monica
Review, spelunker flophouse и Tin House.

Уоллес, Дэвид Фостер

У63 Короткие интервью с подонками / Дэвид Фостер
Уоллес.— Москва: Издательство АСТ, 2020.— 352 с.—
(Великие романы).

ISBN 978-5-17-113337-5

Copyright © David Foster Wallace, 1999
The moral right of the author had been asserted.
© Сергей Карпов, перевод, 2019
© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Посвящается Бен-Эмен Сицилиано и Элис Р. Далл,
отвратительным слушательницам sine pari¹

Радикально сжатая история постиндустриальной жизни

Когда их представили, он сострил, чтобы понравиться. Она натужно рассмеялась, чтобы понравиться. Потом они в одиночку разъехались по домам, уставившись прямо перед собой с одинаковыми гримасами.

Тому, кто их представил, они оба не нравились, хоть он и притворялся, что это не так, по своему обыкновению ни в коем случае не желая испортить хорошие отношения. А то ведь никогда не знаешь, правда же правда же правда же.

Смерть — это еще не конец

Пятидесятишестилетний поэт, нобелевский лауреат, поэт, известный в американских литературных кругах как «поэт поэтов» или иногда просто «Поэт», лежал на веранде, с голой грудью, умеренно упитанный, в слегка наклоненном шезлонге, на солнце, читал, полулежа, умеренно, но не критично упитанный, обладатель двух Национальных книжных премий, премии Национального круга книжных критиков, Приза Ламонт, двух грантов от Национального фонда искусств, Prix de Rome, стипендии фонда Ланнан, медали Макдауэлла и прижизненной награды Милдред и Гарольда Страусс от Американской академии и института искусств и литературы, почетный президент PEN-клуба, поэт, которого два разных поколения американцев называли голосом своего поколения, пятидесятишестилетний, он лежал в невлажных плавках XL Speedo в постепенно меняющем наклон полотняном шезлонге, стоявшем на облицованном плиткой настиле у домашнего бассейна, поэт, который был в числе первых десяти американцев, получивших престижный «Грант Гения» от фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров, один из трех ныне живущих американских нобелевских лауреатов по литературе, 170 см, 82 кг, глаза карие, линия волос неровная из-за того, как непоследовательно приживались/отторгались трансплантаты от

различных брендов «Системы по наращиванию волос», он сидел или лежал — или, если говорить точнее, просто «откинулся» — в черных плавках Speedo у домашнего бассейна в форме почкиⁱ, на облицованном плиткой настиле у бассейна в переносном шезлонге, чья спинка уже была отклонена на четыре щелчка до угла в 35° отн. мозаичной облицовки, в 10:20 утра 15 мая 1995 года, четвертый из списка самых антологизируемых поэтов в истории американской художественной литературы, у зонтика, но не в самой тени, он читал «Ньюсуик»ⁱⁱ, пользуясь скромным брюшком как наклонной подставкой для журнала, — а также во вьетнамках, — подложив руку под затылок, вторую свесив, чтобы водить по охряно-бурым узорам на дорогой испанской керамической плитке, иногда смачивая палец, чтобы перевернуть страницу, в корректирующих очках, чьи линзы благодаря химической обработке затемнялись пропорционально интенсивности света, на второй руке — наручные часы среднего качества и цены, на ногах — вьетнамки из заменителя резины, лодыжка лежит на лодыжке, а колени слегка расставлены под безоблачным и ослепительным небом с ползущим наверх и направо солнцем, поэт смачивал палец не слюной или потом, а конденсатом с тонкого матового стакана чая со льдом, который сейчас стоял на границе тени, падающей от тела, сверху слева от шезлонга, и который надо было переставить, чтобы тот остался в прохладе, поэт праздно

ⁱ А также первый за 94 года выдающейся истории Нобелевской премии по литературе поэт американского происхождения, получивший заветную Нобелевскую премию по литературе.

ⁱⁱ Но не обладатель стипендии фонда Джона Саймона Гуттенхайма: после трех отказов в начале творческого пути у него были основания полагать, что на суждения комитета стипендии Гуттенхайма влияло нечто личное и/или политическое, и Поэт решил, что будь он проклят, пусть его гром разразит, если он еще раз наймет в помощники аспиранта, чтобы тот заполнил три утомительных экземпляра формы на стипендию фонда Гуттенхайма, и когда-либо снова пройдет утомительный презренный фарс «объективного» рассмотрения.

поводил пальцем по стеклу стакана, прежде чем праздно поднять смоченный палец к странице, — впрочем, их он переворачивал изредка, страницы журнала «Ньюсуик» от 19 сентября 1994 года, читал о реформе здравоохранения в США и о трагическом рейсе USAir № 427, читал аннотации и положительные отзывы на популярные документальные книги «Горячая зона» и «Грядущая чума», иногда переворачивал несколько страниц подряд, пропуская отдельные статьи и аннотации, выдающийся американский поэт, ему осталось четыре месяца до пятидесяти семи лет, поэт, которого «Тайм», главный конкурент «Ньюсуика», однажды, как это ни абсурдно, нарек «почти что воплощением подлинного литературного бессмертия среди ныне живущих литераторов», его голени почти без волос, овальная тень открытого зонта понемногу сужается, подошвы вьетнамок из заменителя резины шагренированы с обеих сторон, лоб поэта усеивали капельки пота, загар темный и интенсивный, внутренняя часть бедер почти без волос, пенис тесно свернулся колечком в тесных плавках, борода клинышком тщательно расчесана, на железном столике пепельница, он не притрагивался к чаю со льдом, изредка откашливался, время от времени слегка ерзал в пастельном шезлонге, чтобы праздно почесать предплюсну большим пальцем другой стопы, при этом не снимая вьетнамок и не глядя ни на одну из ног, словно бы погружившись в изучение журнала, справа — голубой бассейн и наискосок слева — задняя рольдверь из толстого стекла, а между ним и бассейном — круглый столик из белого плетеного железа, пронзенный в центре огромным пляжным зонтом, тень которого уже не достает до бассейна, достигший всего поэт читал свой журнал в своем шезлонге у своего бассейна за своим домом. Бассейн и настил у дома окружены с трех сторон деревьями и кустарником. Уже давно высаженные, они тесно переплелись, спутались и служат, по сути, той же цели, что и забор из красного дерева или стена из мелкого камня. Разгар весны, деревья

и кустарники в цвету, ярко-зеленые и спокойные, они отбрасывали сложные тени, и небо целиком голубое и спокойное, так что вся замкнутая композиция с бассейном, верандой, поэтом, шезлонгом, столиком, деревьями и задним фасадом дома очень спокойна, и безмятежна, и практически безмолвна, слышно только тихое бульканье насоса в бассейне и изредка самого поэта, который откашливается или листает журнал «Ньюсуик», — ни птиц, ни далеких газонокосилок или кусторезов, ни устройств для борьбы с сорняками, ни самолетов над головой, ни приглушенных звуков из бассейнов домов по обеим сторонам от дома поэта — ничего, кроме дыхания бассейна и изредка горла поэта: все спокойно, безмятежно, замкнуто, даже ни намека на ветерок в листьях деревьев и кустарников, безмолвная живая, ограждающая флора неподвижна, зелена, живописна, вездесуща и не похожа ни на что на свете ни видом, ни сутью ⁱⁱⁱ.

ⁱⁱⁱ Это не совсем правда.

Вечно наверху

С днем рождения. Тринадцатилетие — дело серьезное. Считай, что ты впервые выходишь в свет. Твое тринадцатилетие — шанс для других узнать, как много важного сейчас с тобой происходит.

Узнать о том, что изменилось за последние полгода. У тебя уже семь волосинок в левой подмышке. Двенадцать в правой. Жесткие опасные спирали хрупких черных волос. Хрустких, звериных волос. А у гениталий их уже столько, что ты со счета сбился. И это не всё. Голос у тебя стал глубоким, скрипучим и прыгает между октавами без всякого предупреждения. Лицо начинает блестеть, если долго не умываться. И прошлой весной у тебя две недели что-то жутковато болело в животе, а потом опустилось изнутри: теперь твоя мошонка полная и уязвимая — груз, который надо защищать. Приподнятый, стянутый тугими плавками, которые полосуют ягодички красными разводами. Ты дорос до новой хрупкости.

И сны. Уже месяцами тебе снятся ни на что не похожие сны: влажные, оживленные и какие-то чужие, в них полно податливых изгибов, неистовых поршней, тепла и падений с большой высоты; и ты пробуждаешься, веки трепещут, и вот прилив, поток и пронзительное, поразительное чувство, словно разряд из таких глубин, о которых ты и

не подозревал, судороги пронизывающей сладкой боли, острые звезды на черном потолке спальни от уличных фонарей, чьи лучи пробиваются сквозь жалюзи, и между ног шепчет густой белый джем, сочится и липнет, стынет на коже, твердеет и исчезает в утреннем душе, оставляя только заскорузлые узлы бледных твердых звериных волос, и в их влажном переплетении — чистый сладкий запах, и тебе не верится, что он — из тебя.

* * *

Запах больше всего напоминает этот бассейн: сладкая соль хлорки, цветок с химическими лепестками. У бассейна сильный ясный синий запах, хотя ты знаешь, что он не такой сильный, когда ты в самой синей воде, как сейчас, когда ты, наплававшись, облокотился о бортик на мелководье, и там вода по бедра плещет туда, где все изменилось.

Вокруг старого общественного бассейна на западной окраине Тусона — ограда из рабицы цвета олова, украшенная яркой гроздью пристегнутых велосипедов. За ней — черная горячая парковка, полная белых линий и блестящих машин. Унылое поле сухой травы и жестких сорняков, пушистые головки одуванчиков взрываются и снежат на усиливающемся ветру. А за всем этим — горы, подрумяненные круглым медленным сентябрьским солнцем, зазубренные, острые углы их вершин все четче и чернее проявляются на фоне темно-красного уставшего света. На этом фоне из колючих соединенных пиков получается зубчатая линия, ЭКГ умирающего дня.

У края неба облака набирают цвет. Вода в нежно-голубых блестках, по-пятичасовому теплая, и запах бассейна, как тот самый запах, соприкасается с химической дымкой внутри тебя, внутренней темнотой, которая искажает свет по своему разумению, смягчает разницу между тем, что уходит, и тем, что начинается.

Сегодня твой день. За обедом, на день рождения, ты попросил пойти в бассейн. Хотел отправиться один, но день рождения — семейный праздник, и семья хочет быть с тобой. Это мило, и ты не можешь объяснить, почему хотел пойти один, и на самом деле, по правде, может, и не хотел пойти один, так что они здесь. Загорают. Твои родители загорают. По их шезлонгам весь день можно было отмечать время, они вращались, отслеживая дугу солнца на пустынном небе, прожаренном до корочки. Рядом на мелководе играют в Марко Поло² твоя сестра с группой худеньких девочек из ее класса. Сейчас водит она — ее Марко уже оПолили. Она с закрытыми глазами вертится на окрики, крутится, как втулка, в колесе из визжащих девчонок в купальных шапочках. На ее шапочке — рельефные резиновые цветы. Старые обвисшие розовые лепестки дрожат, когда она вслепую мечется на звук.

На другом конце бассейна — место для прыжков в воду и вышка с доской. Позади на настиле — К ФЕ, а по бокам — прикрученные над цементными входами в темные влажные душевые кабинки и раздевалки серые металлические рупоры, откуда идет радиомузыка, нестройно-плоская и звонко-тонкая.

Семья тебя любит. Ты смысленный и тихий, уважаешь старших — но и хребет у тебя есть. В целом ты молодец. Присматриваешь за младшей сестрой. Ты ее союзник. Тебе было шесть, когда ей было ноль, и ты болел свинкой, когда ее принесли домой в очень мягком желтом одеялке; ты поцеловал ее в ножки, чтобы она не подхватила свинку. Родители сказали, что это хорошее предзнаменование. Что оно задает тон. Теперь им кажется, что они не ошиблись. Они гордятся тобой во всех отношениях, довольны, и удалились на дружелюбную дистанцию, откуда излучают гордость и удовлетворение. Вы все хорошо ладите.

С днем рождения. Большой день, большой, как свод всего юго-западного неба. Ты все продумал. Вон высокая доска. Скоро они захотят уходить. Залезай и вперед.

Страхни чистую синюю воду. Ты прохлорированный, рыхлый и мягкий, разваренный, подушечки пальцев — в морщинках. В глазах — туман от запаха слишком чистого бассейна; он преломляет свет до нежного цвета. Постучи по голове ладонью. С одной стороны вялое эхо. Наклони голову и подпрыгни — и сразу внезапное тепло, восхитительное, и согретая мозгом вода холодеет на ракушке уха. Жестяная музыка слышится отчетливее, крики — ближе, больше движения в большей воде.

Бассейн для такого позднего часа переполнен. Тут и тощие детишки, и зверино-волосатые мужчины. Непропорциональные мальчишки — сплошь шеи, ноги и узловатые мослы, впалые груди, чем-то напоминающие птичьи. Как у тебя. Тут и старики, неуверенно двигаются на тонких ногах по мелководью, поводя в воде руками, чужие в любой стихии.

И девочки-женщины, женщины, все в изгибах, как музыкальные инструменты или фрукты, кожа под светло-коричневым лаком, лифчики купальников на деликатных узелках хрупких цветных ниток поддерживают таинственный вес, плавки сидят низко, обхватывают плавные выступы бедер, совсем непохожих на твои, — чрезмерные изгибы и извивы легко сливаются с одеждой, которая поддерживает и вмещает мягкие окружья как что-то драгоценное. Ты почти понимаешь.

Бассейн — система движения. Здесь всё: круги, дуэли брызгами, нырки, гонки, бомбочки, салочки, прыжки с высоты, Марко Поло (твоя сестра все еще водит, сейчас расплатится, она уже слишком долго водит, игра балансирует на грани жестокости, спасти или опозорить — не твое дело). Два чистых ослепительно-белых мальчишки в плащах из хлопковых полотенец носятся вдоль бортика, пока спасатель окриком в мегафон не превращает их в

истуканов. Спасатель бурый, как дерево, на животе вертикальная полоска светлых волос, на голове шляпа исследователя джунглей, на носу белый треугольник крема. Одну из ножек вышки обвила рукой девочка. Ему скучно.

Теперь вылезай и иди мимо родителей, которые загорают и читают, не поднимая взгляд. Забудь о полотенце. Остановишься ради полотенца — придется говорить, а говорить значит думать. Ты уже решил для себя, что люди боятся в основном из-за того, что много думают. Иди прямо к глубокому концу. Над ним огромная железная башня грязно-белого цвета. С ее вершины выступает языком доска. Бетонный край бассейна жесткий и горячий под прохлорированными ногами. Каждый следующий отпечаток стоп все тоньше и слабее. Они съеживаются позади тебя на горячем камне и исчезают.

В бассейне под вышкой, который совершенно сам по себе, свободен от судорожного балета голов и рук, качаются линии пластиковых сосисок. Он синий как энергия, маленький, глубокий и идеально квадратный, окаймлен плавательными дорожками, К ФЕ, горячим голым бортиком и выгнутой вечерней тенью от вышки и доски. Он тих и спокоен, и исцеляется, разглаживается между падениями.

В них есть ритм. Как у дыхания. Как у машины. Очередь к доске изгибается вдаль от лестницы, ведущей на вышку. Очередь движется по своей кривой, выпрямляется у подножия. Один за другим люди подходят к лестнице и поднимаются. Один за другим, как удары сердца, достигают языка доски на вершине. А там замирают, на одну и ту же крошечную паузу, равную удару сердца. И ноги несут их к концу, где все, одинаково притопнув, подпрыгивают, вытянув и согнув руки, словно описывая что-то округлое, совершенное; тяжело приземляются на край доски, чтобы та подбросила их вверх и вперед.

Швыряющая машина, линии заторможенных движений в сладком хлористом тумане. Снизу ты видишь, как